

Александр
ВОРОНИН
г. Петрозаводск

УМЕНИЕ ПАРИТЬ НАД МИРОМ

О книге стихов
Александра Васильева
«Имени твоему...»

Поэтическая книга петрозаводчанина Александра Васильева «Имени твоему...» не поражает воображение внешним видом. Скорее, незаметная, чем яркая. Карманный формат, 96 страниц, на обложке на фоне полупрозрачных облаков многолучевая роза ветров (одновременно, наверное, и символ солнца), поверх которой дано название книги. Но внешняя неброскость обманчива. Потому что для любителей поэзии эта книжка стихов – находка. А для гурманов – тем более. Настолько много в ней самобытных, глубоких образов, строк, целых стихотворений, словно поэт их горстями бросал-сеял.

Вот несколько примеров строк, продолжающих звучать, несмотря на то что грубо вырваны из контекста.

*...Здесь осенью свистят над головой
Осколки лета – бронзовые листья...*

...Брел, спотыкаясь о свет фонарей...

...Как быстро ветер сносит звезды вправо...

*...В душе несильно шевельнется что-то,
Не до конца, зная, умерла душа...*

*...Умру легко, как будто уснула.
И под руку пройдут среди могил
Та женщина, которая любила,
И женщина, которую любил.*

Поэзия Александра Васильева относится к той (нынче редкой из-за обилия сочиняющих стихи людей) истинной поэзии, про которую Пушкин сказал, что писать надо так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно. Как раз мыслей, а точнее смыслов, у Васильева хватает. От многомерности, многоплановости иных строк и образов порой просто захватывает дух.

Другими словами, в стихах Александра Васильева присутствуют воздух, пространство, целые миры. Казалось бы, всего несколько строчек, но они – как волшебная дверь, за которой таится еще одна вселенная, не обязательно счастливая и феерическая, но без сомнения живая. И она откроется читателю, если его сердце научилось видеть такие волшебные двери, а в душе есть универсальный ключ от них – некое седьмое чувство, позволяющее не только видеть или слышать поэтические строки, но и ощущать, впитывать их магию, если магия, разумеется, в них присутствует.

Попробуем открыть несколько таких дверей.

*На окраине столицы.
Он один. Она одна.
Две московские синицы
На кормушке у окна.*

*Вечер. Небо тонкой солью
Запылил Чумацкий шлях,
Грусть, присыпанная болью.
Разговор о журавлях.*

Первый план напрашивается сам собой – это именно та картинка, которую, казалось бы, и нарисовал поэт: две реальные птицы-синицы, которые сидят на кормушке и клюют что им там положили люди. Но автор одухотворяет их строчками: «Он один. Она одна...» и «...Разговор о журавлях». И вдруг не просто понимаешь, что у птиц может быть свое осознанное птичье мироустройство, а какой-то частью себя оказываешься в их мире, где в ходу наверняка поговорка: «Плох тот воробей, что не мечтает стать орлом». Можно смотреть по Discovery Channel фильмы о жизни птиц, читать о них статьи и книги, но вряд ли кто-либо ощутит себя от этого созвучным, сопричастным душой каким-то синичкам и почувствует взаи-

мосвязь всего и вся. А несколько строк поэта это чудо производят.

Однако основной план стихотворения совсем другой. Ведь речь о людях, которые живут на окраине столицы и ужинают на кухне у окна. И это еще одна вселенная, вселенная этих людей, которые вроде бы давно вместе, но «Он один. Она одна». И вот сидят они как всегда – вечер за вечером, и говорят о тех, кто в жизни преуспел. И грустно им, потому что хватало в жизни боли, причиненной друг другу и другими людьми, а вот журавлиных высот эти людисинички не достигли, и все их жизненные завоевания по большому счету сводятся к обладанию всего лишь вот этой кухни-кормушкой. И благодаря таланту поэта мы снова сопереживаем персонажам стихотворения, потому что большинство людей может сказать, как пел Высоцкий:

*Да это ж про меня!
Про нас про всех, какие к черту волки?!*

Справедливости ради надо отметить, что эти слова Владимира Высоцкого периодически всплывают в памяти при чтении книги стихов Александра Васильева «Имени твоему...». Дело в том, что Васильеву подвластны очень глубокие и точные обобщения. Он большой мастер в области стихосложения, превращающей обычные рифмованные строки в стихи, которые может примерить на себя почти каждый, и в той или иной мере они будут ему в пору.

*Господи! Зачем Тебе свидетель?
Господи! Дозволь закрыть глаза.
Мой народ, он на щеке столетий
Словно незаметная слеза.*

Стихотворение, которое начинается этой строфой, названо «Рим». То есть речь идет об исчезнувшем народе, а лирический герой – его представитель. Однако человек любой национальности и государственной принадлежности вполне может соотносить эти строки с собой и своим народом. И будет прав. Потому что это глубокое философско-поэтическое озарение поэта имеет всеобщий, всеисторический характер. И потому что, говоря о прошлом, автор осмысленно или подспудно имел в виду настоящее. Но что еще интереснее, это настоящее вросло в вечность. Через сто, двести, тысячу лет эти строки будут настолько соответствовать действительности, будто написаны только что.

На образе народа как незаметной слезинки на щеке столетий останавливаться не будем, это отдельная большая тема. Отметим только, что точка, откуда смотрит поэт, находится где-то там, в необозримых далах духа, откуда столетия соиз-

меримы всего лишь с человеческой щекой, тогда как (в масштабах дома, улицы, страны, Солнечной системы) что такое человеческая щека в сравнении с остальным миром? Малость незначительная. Да и сколько их, таких щек?! Больше 14 миллиардов. Теперь давайте представим 14 миллиардов планет с разумной жизнью, где тоже живут какие-то народы и идут свои столетия. Вот такой вот ракурс дает нам автор без использования заумных философских категорий, а с помощью обычных слов: щека, слеза, столетия.

И это еще одно важное свойство Александра Васильева как поэта – умение парить над миром, охватывая одним взглядом во всех их взаимосвязях пространство и время, человека и эпоху, вечное и сиюминутное, мелкое и большое и выражать то многообразие, которое увидел, всего несколькими простыми, на первый взгляд, строчками. В этом, представляется, Васильев очень близок Николаю Рубцову. А также созвучен ему интонациями негромкой грусти.

*Зачерпнул этой жизни погуще, со дна,
На ветрах подержал, долю взвешивая.
Только что-то похлебка моя солона:
Кто-то плакал над нею, помешивая...*

В книге представлены разные темы: детство, малая родина, Русь, осмысление жизненного пути. Изрядная часть стихотворений посвящена любви к женщине, некой кульминационной точкой которых являются вот эти строки:

*А ночью черной, черной, словно
Бессонницею изувеченной,
Я считаю себя виновным
Перед всеми плачущими женщинами.*

К сожалению, поэзия Александра Васильева пока мало известна в России, но, может быть, именно эта книга стихов когда-нибудь прозвучит и кого-нибудь спасет.

*...Русь, погрязшая в смертных грехах,
Не спеши подводить итоги.
Воскресают поэты в стихах,
Воскресают, спасают многих.*

**Имени твоему...: книга стихов
Александр Васильев
Петрозаводск: Информационное агент-
ство «Республика Карелия», 2011. – 96 с.**